

Константин
ГНЕТНЕВ

г. Петрозаводск

Женщина с виноватой улыбкой

Повествование о фронте радистки
специальной группы зафронтовой разведки НКВД СССР «Аврора»
карелки Евдокии Васильевны Аникиевой (Тарасовой)

*Мне посчастливилось
познакомиться с этой женщиной
по юбилейной газетной надобности в пору,
когда ей было под восемьдесят.*

*Потом мы часто и подолгу
беседовали в её маленькой квартирке
на Куковке.*

*Она иногда сетовала,
что временами чувствует себя тоскливо,
особенно после ухода сына Станислава.*

Была и другая важная причина.

*Ей хотелось рассказать, что помнила,
– о войне, плене, тюрьме*

*и обо всём страшном, что пережила
когда-то по существу девчонкой.*

*Она редко отказывалась от приглашений
и бывала в школах, на встречах
с молодыми в музеях и библиотеках
и знала, что интерес к прошлому велик,
и хотела, чтобы память*

*сохранялась как можно более правдиво,
пусть даже в книге или на видео.
Время от времени о ней писали в газетах,
но тут и там она встречала неточности*

*и волновалась,
звонила взволнованным голосом,
а потом часами наговаривала мне
на диктофон, как это было тогда,
очень давно, на самом деле.*

*Как это ни банально звучит, но в судьбе
Евдокии Васильевны Аникиевой,
в девичестве Тарасовой,
родившейся в 1924 году в большой семье,
в крошечной карельской деревне Утуки,
что неподалеку от Марциальных Вод,
в полной мере отразилась
судьба малого народа,
пережившего катастрофы и несчастья,
выпавшие в страшном и великом XX веке.*

АРЕСТ ОТЦА

«Я скоро вернусь...»

Однажды метельным февральским вечером, прощаясь после долгого разговора, Евдокия Васильевна мечтательно сказала: «Вот бы найти наш дом, где в 37-м арестовали отца. Как сейчас помню: мы обедали, и этих двух милиционеров. Отец сказал из дверей: «Это ошибка. Я скоро вернусь...» Зову, зову Стаса, а он всё занят, с командой по соревнованиям ездит».

– А где же стоял этот ваш дом? – спросил я, уверенный, что никакой деревни на том месте давно нет, как нет сотен карельских деревень, существовавших в 1937 году.

– На станции Шуйской мы жили.

– Так это же рядом!

Позвонил Станиславу, – мало ли что с матерью случится, при её-то возрасте, а у него опыт; затем, хорошо понимая важность события, пригласил Николая Хейкинена, отличного оператора, автора многих фильмов, и на своей «Ниве» повёз всех на станцию Шуйскую.

Признаться, время для поиска мы выбрали неудачное. Метель, снега по пояс, дороги нечищены... Ездили, ездили и ничего похожего на дом, знакомый из детства, Евдокия Васильевна обнаружить не смогла. Там посёлок-то весь в линию вдоль железной дороги и просматривается насквозь: слева высокая скала, справа «железка» и болото.

– Мне помнится, наш дом стоял по ту сторону железной дороги, – вспомнила Евдокия Васильевна. – Крыльцо выходило на поле, а рельсы были вроде как за домом.

Уже в сумерках нашли заметный переезд, и впрямь – увидели стандартный двухквартирный дом, с виду казённый, когда-то давно выкрашенный жёлтой краской. Так издавна красят дома и будки в железнодорожном ведомстве. Видимо, чтобы издали были заметны машинистам поездов и те своевременно могли их объезжать. Крайнюю от дороги дверь открыла приветливая и громкоголосая женщина Мария Ивановна. Она сообщила, что живёт здесь 50 лет и теперь пишет книгу, как в начале века эту железную дорогу строили пленные австрийцы. Австрийцев было много, сообщила Мария Ивановна, и всех их отправили потом в Сибирь. Из стариков старожилов станции Шуйской осталось сегодня всего четверо, включая её с мужем. Да, подтвердила писатель-краевед, была раньше и баня, у которой она корову пасла, и несколько домиков-клетушек.

По всему выходило, что дом, только с кварти-

рой с другого конца, и есть тот, который мы ищем. Евдокия Васильевна сходила по тропке к другому подъезду, постояла, подумала и сообщила: «Да, это наш дом».

В квартире с другого конца живёт теперь молодая семья погорельцев-переселенцев из соседнего посёлка Мелиоративного. Мы постучали, попросили разрешения и вошли, стеснившись в маленькой прихожей и одновременно кухне. Толстощёкие дети, не обращая на нас никакого внимания, громко скребли ложками по тарелкам. Было тепло от натопленной печи. Евдокия Васильевна заметно волновалась: «Да, да, вот так и у нас печка стояла, вот там маленькая комната...»

– Расскажите, расскажите, – просит хозяйка.

– Рассказать, что ли? – жалобно смотрит на сына Станислава Евдокия Васильевна.

– А что, мама, расскажи, пусть люди знают.

Я удивляюсь, что никто из хозяев не предложит ей присесть. Они просто не подумали об этом. По причине малознания молодость иногда бывает жестокой.

– Нас было пятеро детей, – медленно и с виноватой улыбкой начинает рассказ Евдокия Васильевна. – Я старшая, мне тринадцать лет, брату одиннадцать, сестрёнке шесть. Самые младшие дети – трёхлетняя сестричка, которую новорождённой уронили и сломали позвоночник, – она лежала в кроватке, и грудничок в люльке. В тот день отец забил бычка, и мы поздно ужинали. Как сейчас помню наше имущество: стол, кроватка и рядом в углу стопкой постельное бельё, и всё.

Вошли два милиционера: «Тарасов Василий Егорович здесь живёт?» Отец поднялся из-за стола: «Здесь». И как гром среди ясного неба: «Собирайтесь, вы арестованы!». Братишка бросился к отцу, обхватил ноги, плачет, кричит, не пускает. Отец поднял его за плечи: «Не плачь. Ничего со мной не сделают, я ни в чём не виноват». Уже от двери сказал: «Я скоро вернусь...»

Евдокия Васильевна молчит, виноватыми глазами смотрит на нас, и я боюсь, только бы не заплакала. Но она не плачет, просто смотрит на нас и всё так же виновато улыбается. Наверное, так бывает у людей, когда горе становится настолько большим, что не вмещается в сознание. Ни плакать, ни рыдать нормальный человек уже не может, ему остаётся только молчать и виновато улыбаться.

Вселенское горе обрушилось на семью Тарасовых вот здесь, в этом доме, в тесном коридорчике. Было это 22 октября 1937 года.

Евдокия Васильевна справилась с волнением и тихим голосом продолжила рассказ:

– На следующий день с утра мама уехала прода-

вать корову. Днём пришли какие-то начальники и досками заколотили дверь в большую комнату. Заколотили и проход в кухню. Нам осталась только одна маленькая комнатка, куда они перенесли и свалили всё наше барахлишко. На дворе конец октября, морозно, а печь мы растопить не можем – топка-то осталась со стороны кухни, а в кухню хода нет. Мама приехала, мы все пятеро собрались в комнатушке, холодина – спасу нет. Что делать? Выручили соседи: они принесли кирпичи, на кирпичи в комнатке поставили большой чугунок, а в чугунок наносили горячих углей из своих печей. Так мы жили до ноябрьских праздников...

Ненадолго прерву повествование Евдокии Васильевны, чтоб рассказать об отце. Они в то время ничего о его судьбе не знали, да и знать не могли. Сама Евдокия Васильевна узнала уже далеко после войны. Судьба его оказалась трагична.

Отец Евдокии Васильевны, Тарасов Василий Егорович, карел, родился в деревеньке Утуки Петровского района в 1900 году и в свои 37 лет, как мог, на своём рабочем месте монтера пути на железной дороге поддерживал политику большевистской партии Ленина-Сталина. Мало того, проходил кандидатский стаж, чтобы стать полноправным членом ВКП(б). Но бдительные чекисты рассмотрели в Василии Егоровиче хорошо замаскировавшегося врага, и «тройкой» НКВД КАССР 11 ноября того же 1937 года он был осуждён по статье 58. Статья тяжёлая, «политическая» и карала за преступления против государства и революции.

В статье 58 много пунктов, которые ранжируют деяния преступников, замахнувших на государственный строй, и в соответствии с опасностью назначают достойное наказание. Я выписал все пункты обвинения монтера Тарасова и хочу их привести здесь. Чтоб было ясно, с кем чекисты имели дело.

Итак, первый пункт обвинения Василия Егоровича обозначен литерой «1А». Это измена Родине. Наказание предусмотрено от расстрела с конфискацией имущества либо 10 лет лагерей, всё с той же конфискацией.

Следующий пункт обвинения – «2». По этому пункту судили тех, кто готовил и осуществлял вооружённое восстание либо любое действие с намерением насильственно отторгнуть от Советского Союза любую часть его территории или вторжение с целью захвата власти. Вариантов наказания тут два – расстрел или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества и лишением гражданства.

Пункт 9 из обвинения монтера Тарасова предусматривает причинение ущерба системе транс-

порта, водоснабжения, связи и иных сооружений или государственного или общественного имущества в контрреволюционных целях. Предусмотренное наказание «аналогично статье 58-2».

И это ещё не всё, что следователи вменили Тарасову. Следующий пункт статьи 58-10: Пропаганда и агитация, содержащая призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти или совершению отдельных контрреволюционных преступлений..., изготовление, распространение или хранение литературы...

Последний пункт обвинения как гвоздь в крышку гроба: 58-я, п.11: всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке... вы сами догадываетесь чего.

Быстро, всего за три недели, чекисты расследовали чудовищные преступления Василия Егоровича Тарасова, проживающего с пятью детьми мал-мала меньше на крошечной железнодорожной станции Шуйской. И ведь каких дел он там натворил! Какие преступления совершал! Вооружённое восстание... Пропаганда и агитация против советской власти... Причинение ущерба системе транспорта... Изготовление, хранение и распространение литературы... И ведь эти нелепые, а в ту пору очень даже громкие обвинения не только «лепились» полуграмотными чекистами-следователями. Мне не раз приходилось держать в руках похожие: отличная машинопись, нагромождение торжественно-государственных слов, пометки: «совершенно секретно», лиловые печати и штампы... И все они непременно проходили утверждение высокими чинами в НКВД, во власти, в прокуратуре. Все имена сочинителей остались в истории. Жаль, не знаем могил, на которые можно было бы плюнуть.

Василия Егоровича Тарасова расстреляли в окрестностях Петрозаводска 11 ноября 1937 года. И никого не смутил тот факт, что на станции Шуйской никто больше арестован не был. Где же она, преступная организация-то? С кем он готовил вооружённый переворот в стране? Напомню, что проживало там всего-то 45 душ, из которых 25 мужского и 20 женского пола, и половина из них глубокие старики. Кого же он звал за собой на свержение власти, самой народной из всех народных?

Жить вокруг большого чугунного котла в надежде, что сердобольные соседи принесут и насыпят в него горячие угольки из своих печей, было можно. Но недолго. На дворе начиналась настоящая студёная зима. Евдокия Васильевна замолчала и, глядя в пол слезящимися глазами, вспоминала, опершись на свою палку. В тесной квар-

тирке погорельцев-переселенцев стало тихо. Даже дети перестали скрести ложками по тарелкам. Мы ждали продолжения рассказа.

– Перед ноябрьскими праздниками мама моя взяла нас жить к себе в деревеньку Коняково, что на Шуге в трёх километрах отсюда в сторону Верховья. Оттуда я пешком ходила в школу в Шугу. Да и отсюда, с Шуйской, мы с братом ходили в школу тоже пешком – никакого транспорта не было.

Но маминей сестре и без нас было трудно: муж работал на железной дороге, двое своих детей, – она держалась только тем, что ходила с молоком в город. Мы прожили в Коняково год, там умерла моя сестра Галя, и переехали в Сулажгору. Там нас тоже приютили в маленькой хибарке...

Голос Евдокии Васильевны дрожит, глаза слезятся. Она очень устала – и от поисков, и от воспоминаний, и ещё больше от волнения. Пора собираться домой. Станислав торопит, заглядывает в глаза: «Мама, мама, ну как ты? Пойдём, пойдём, довольно...» Прощаемся с притихшими хозяевами. Я не знаю, каково им жить теперь в этом доме после этой невесёлой истории.

У соседнего подъезда нас поджидает Мария Ивановна. Оказывается, она не всё нам рассказала и теперь торопится, боится упустить. Мы заходим, и Мария Ивановна громко рассказывает о современной жизни Шуйской: бани нет, и неизвестно, как живут нынешние жители Шуи, Мелиоративного и Шуйской; питьевой воды нет тоже, её привозят и продают из расчёта 10 рублей за ведро. «Вода внизу, вода кругом, вода сверху, – шумит Мария Ивановна, – а тут плати!»

Мы слушаем возмущение Марии Ивановны, которая пишет книгу о богатом прошлом Шуйской. Мне кажется, пленные австрийцы, построившие под её окном железную дорогу в начале XX века, жили гораздо лучше, чем она с мужем теперь, в начале века XXI, пусть хоть они и граждане страны-победителя, проработавшие на этой дороге всю свою жизнь.

ВОЙНА. НАЧАЛО

Путь в зафронттовую разведку

Мне интересно, почему судьба отца не смутила энкаведешников, когда кандидатура Дуси Тарасовой рассматривалась для использования в зафронттовой разведке? Это ведь работа на доверии, на грани и не для всякого. Что стоит за этим предложением – трезвая оценка обвинений отца в преступлениях, в которых любой здравомыслящий

без труда разглядит липу, либо голод на кадры для такого рода абсолютно секретной деятельности?

Спросить об этом теперь не у кого. Известно, что Евдокия Тарасова к началу войны окончила Петрозаводский медицинский техникум и успела поработать в райздравотделе Пряжинского райсовета. На правах самой молодой и не ограниченной семейными обязанностями, она, по её рассказам, не вылезала из командировок, топя в сапогах по разьеженным дорогам от деревни к деревне.

Грянула великая война, и Тарасова вместе с подружкой по техникуму, Валею Канаевой, отнесли заявления в Пряжинский военкомат с просьбой отправить на фронт. «Мне тогда было 17, а Вале 18 лет», – писала Евдокия Васильевна Якову Ругоеву, известному карельскому писателю.

...Вероятно, первым из карельских литераторов Яков Васильевич Ругоев решил написать о деятельности спецгрупп НКВД, составленных из местных жителей и работавших на территории оккупированных районов. Многие из разведчиков-подпольщиков погибли, в том числе и группа под командованием олончанина Якова Васильевича Ефимова. Судьба этой группы по каким-то причинам его интересовала особо. Ругоев брался за трудное дело. Писать об этом и сейчас непросто по простой и понятной причине: архивы спецслужбы, как госграница, – всегда на замке. А уж в советское время и подавно.

Карелия – республика небольшая, до войны малонаселённая, и многие тут друг друга знали. А потому и в гибели разведчиков, и в неприметных стороннему глазу подвигах всегда таилось немало загадок. Они есть и сейчас. Некоторые из них, наверное, не будут разгаданы никогда, хотя материалы о деятельности группы «Аврора» рассекречены в 2014 году. Но все ли? Такова уж специфика этой работы. Мне известны только двое литераторов, которые всерьёз пытались писать на эту тему. У Олега Тихонова в 1971 году вышла документальная повесть «Операция в зоне «Вакуум», выдержавшая несколько изданий. К слову, сама Евдокия Васильевна только из этой книги узнала название собственной группы – «Аврора». Но первым разработку темы начал Я. В. Ругоев.

Евдокия Васильевна написала Я. Ругоеву из Лехты два письма: одно датировано 23 июня 1964 года и второе 4 мая 1965 года. Он сам попросил её об этом.

«Вместо фронта нас направили в истребительный батальон. Вместе с батальоном мы отступали до Петрозаводска, а затем и из Петрозаводска ушли. В марте 1942 года наш батальон расформировали. Мы с Валею 2-3 месяца работали на медпунктах: я в

Лейгубе, Валя – в Сегеже. Затем её взяли в партизанский отряд, а меня в спецотряд МГБ. В марте 1943 года я окончила школу ОМСБОН НКВД СССР в Москве и приехала обратно в свой отряд. Готовилась на задание с группой Гайдина С.».

«В письме трудно всё описать», – предупредила она Ругоева.

Точнее сказать – невозможно. Как, какими словами она могла передать писателю 23 года спустя отчаяние боёв плохо вооружённых ополченцев? Отступление, кровь, потери, потери, потери... Как ночами они пытались закрепиться на высотах вдоль дороги на Петрозаводск, делали завалы из деревьев, из последних сил пытались до утренних атак финнов вырыть если не окопы, так хотя бы мелкие стрелковые ячейки. А утром их оттуда выбивала вражеская артиллерия и танки, и снова отступление, кровь и кровь...

Она могла бы рассказать о жесточайших боях под Колатсельгой и Палалахтой, о нескольких ночных выходах с армейской разведкой в финский тыл, но такие рассказы едва ли для письма.

После оставления Петрозаводска остатки Пряжинского истребительного батальона перебросили в Беломорский район и соединили с Тунгудским батальоном. Теперь для Евдокии война продолжалась на севере республики, куда рвался враг и куда его так и не пустили...

Продолжая написанное Евдокией Васильевой Ругоеву в 1964 году, необходимо сделать два отступления. Первое про ОМСБОН НКВД СССР. Теперь только военные историки помнят, что это за аббревиатура. ОМСБОН – это отдельная мотострелковая бригада специального назначения (иногда пишут «батальон» и «механизированная»). Из этого подразделения родился нынешний, знаменитый на весь мир, российский спецназ. Созданная в первые недели войны в Москве, бригада проводила подготовку тщательно отобранных бойцов, поначалу главным образом спортсменов, по специально составленным программам. Юношей и девушек учили тайной работе в тылу врага. Работа эта формулировалась следующим образом:

- сбор разведанных, разрушение стратегических железных дорог, шоссейных магистралей и путей эвакуации в прифронтовой зоне и глубоком тылу противника;

- срыв железнодорожных и автоперевозок, следующих на фронт с живой силой и техникой, разрушение мостов и других железнодорожных сооружений;

- разгром воинских, жандармских и полицейских гарнизонов, уничтожение налаженных немцами промпредприятий, электростанций, средств связи и других сооружений...

С 1942 года основной задачей бригады стала подготовка отрядов для действий в глубоком тылу противника, главным образом глубинная, зафронтовая разведка. Уже к началу осени 1942 года в тыл врага было заброшено 58 таких отрядов. Как правило, они превращались затем в крупные партизанские отряды. За время войны было сформировано 212 отрядов и групп общей численностью 7316 человек.

С августа 1942 по март 1943 года в ОМСБОН НКВД СССР проходила обучение группа ребят из Карелии. По национальности семеро были карелами, двое русских и один финн. Её группа – это Валя Казаченко (дожила до 87 лет), Аня Курикова (погибла), Маша Захарова, Петя Захаров... Среди них была и карелка Дуся Тарасова, свободно владевшая и русским, и финским языком.

После учёбы она, теперь радистка, вернулась в свой спецотряд, который базировался в селе Шижня под Беломорском. Вернулась и стала ждать заброски на задание во вражеский тыл. Она с нетерпением ждала этого, готовилась и даже знала имя будущего руководителя: Семён Гайдин.

Второе отступление о Вале, Валентине Ивановне Канаевой. Когда началась война и финские войска вели наступление на Петрозаводск, Валентина работала фельдшером в селе Вешкелицы. Шли непрерывные ожесточённые бои. И в тылу стали замечать, что поступающие с передовой раненые бойцы уж очень профессионально обработаны. Так бывало редко. Чаще всего первую медицинскую помощь, простые перевязки выполняли либо медсёстры в окопах под огнём, либо сами бойцы и делали это неумело, впопыхах и как попало, что иногда приводило к необратимым последствиям. А тут... Так узнали о Валентине и немедленно вызвали в райцентр в Пряжу.

Валентина Канаева прошла войну в партизанском отряде «Боевые друзья». Её очень любили за смелость, желание непременно во всём поучаствовать и всем помочь. Может быть, поэтому в боях её самую часто ранило, – так же, впрочем, как и командира отделения разведки Ивана Комиссарова, над которым бойцы даже посмеивались: «Ни в одном бою Ваня не обойдётся, чтобы пули или осколка не поймать». В последний раз Валентину ранили в бою за деревню Конда в Заонежье в ночь на 3 марта 1944 года. После этого она воевать больше не смогла.

В том же бою под Кондой при разгроме укрепленного пункта Онежской береговой бригады финнов получил тяжёлое ранение и добрый Валин знакомый – 19-летний командир отделения партизанского отряда «Боевые друзья» Дмитрий Гусаров. На связанных вместе лыжах товарищи

ташили его по онежскому льду через торосы к своему берегу девять часов...

Дмитрий Яковлевич Гусаров стал народным писателем Карелии. В его произведениях живут товарищи по отряду. Живёт и будет жить, пока мы будем перечитывать романы «Боевой призыв», «Цена человеку», «За чертой милосердия», повести «Партизанская музыка», «История неоконченного поиска» и другие, медсестра Валентина Канаева. Она стала прототипом одной из его героинь, медсестры Вали Коневои, влюблённой в лихого командира взвода разведки Андрея Полещука. В повести «Партизанская музыка» Валин возлюбленный гибнет и воскресает, в реальности же Андрей Полевик гибнет в одиночку, прикрывая отход своих товарищей.

Валентина Ивановна жила в Подпорожье Ленинградской области и вела большую переписку, вспоминая прошлое. В личном фонде Д.Я. Гусарова в Национальном архиве Карелии хранятся десятки её писем. Она очень помогла писателю в работе над книгами. Каждый год она приезжала к своей подруге в Петрозаводск, и Евдокия Васильевна всё время хотела нас познакомиться. Но то меня в городе не окажется, то Валентина Ивановна приболела... Так и не встретились. В. И. Канаева умерла 12 июня 2012 года в возрасте 89 лет.

ЗАБРОСКА

«Ещё пять минут, и я передала бы нашим обо всём, что случилось. Но не успела...»

Заброски во вражеский тыл пришлось ждать долго. Миновала короткая северная весна. В Прибеломорье она всегда особая, с яростным солнцем днём и стылými ночными морозами-утренниками, когда ветер с Белого моря за пять минут может превратить весёлую капель с крыш в звонкую ледяную решётку.

Началось лето, и огромное болото за шиженскими огородами поменяло цвет с однотонно-рыжекоричневого на весёленький пёстрый. Шижня стоит на Беломорско-Балтийском канале, точнее сказать – канал перерезал старинное поморское село надвое. Отсюда совсем близко военный аэродром. Хорошее место для базы, неприметное. Семён Гайдин, Семён Июдин, Павел Бекренёв, Николай Морозов и Дуся Тарасова – вот и весь спецотряд НКВД. Они постоянно заняты – занятия в классе и в поле, стрельбы. К слову, радистка Дуся Тарасова замечательно стреляла. Однажды в шутку рассказала мне, как руководитель группы решил над ней

посмеяться и что из этого вышло. Гайдин повесил на сук свою кубанку и предложил попасть в неё... из ручного пулемёта.

– Был так уверен, что не попаду, что шапки не пожалел, – вспоминала она смеясь. – Я очередь дала, и только лохмотья полетели. Он говорит: «Ого! Молодец!» Но я-то вижу – расстроился...

В августе разведчики почувствовали, что наступают их черёд. Начались сборы и переезды – то в одно место, то в другое. К концу августа группа сосредоточилась на аэродроме близ села Яровщина в Ленинградской области. Это было хозяйство 7-й воздушной армии Карельского фронта. Днём офицер НКВД, куратор группы Александр Волов объявил, что вылет назначен на сегодня в ночь. Днём собрались в аэродромном клубе и посмотрели фильм «Она защищает Родину». Это была традиция, которую, где это требуется, сохраняют и поныне. Всем известно, что космонавтам, например, перед отправкой в космос непременно показывают «Белое солнце пустыни».

Фильм «Она защищает Родину» только что (1943 год) снял в Алма-Ате режиссёр Фридрих Эрмлер по сценарию Каплера. Лента повествует о том, как с началом войны героиня, простая советская женщина Прасковья Лукьянова (в исполнении Веры Марецкой), ушла в лес воевать с фашистами. У неё с товарищами это здорово получается потому ещё, что фашисты беспросветные идиоты. Ничего не поделаешь, таким видели назначение художественного киноискусства в годы тяжелейших военных испытаний. Фильм в 1966 году отреставрировали, его можно посмотреть в Интернете и сегодня.

– Поздно вечером, уже в темноте, нас по одному посадили в кабины легкомоторных У-2, – вспоминала Евдокия Васильевна. – И всей группой мы взлетели на пяти самолётах. В кабине было тесно и очень неудобно. Ноги у меня до пола не доставали.

Ноги до пола не доставали...

Не мудрено. Вот как экипировали хрупкую девчонку Дусю Тарасову перед выброской в тыл противника. На спине укрепили радиостанцию «Север». Выше, прямо на радиостанции, в брезентовом мешке, – запасные батареи для радиостанции, и ещё выше, почти на плечах – парашют. Отдельно на ремне сбоку десантная рация «Белка 4Д». Это металлическая коробка, внутри которой приёмник, передатчик и наушники. На том же ремне оружие – наган и нож. Без ножа парашютиста выбрасывать в неизвестность – дело глупое. Поэтому и полное профессиональное название подобных ножей – нож-стропорез.

Спрашиваю Евдокию Васильевну про запас еды, – ведь выбрасывали в лес, вдали от насе-

лённых пунктов. Говорит, не помнит, и долго молчит. Потом спрашивает себя: «А куда я эту еду могла положить? Наверное, в карман фуфайки сунула что-нибудь...» А я думаю, сколько же еды там поместится, если в карманах её фуфайчки ещё две гранаты, про которые она позабыла...

По плану, еду группа должна была добывать на месте. Разведчики должны были сразу после заброски соединиться с разведгруппой Дмитрия Горбачёва, которая уже действовала в районе Шелтозера, ждала и имела запасы.

Дело не заладилось с самого начала. Куратор группы, сотрудник НКВД Александр Волов в середине 90-х так описывал в газете эти минуты:

«Когда самолёты поднялись в воздух, на аэродром налетели фашистские бомбардировщики. Зенитная артиллерия открыла огонь. Наши У-2 вынуждены были рассыпаться. К цели пришли не одновременно, разбросав разведчиков. Радистка Тарасова, не видя сигналов с земли, не представила, где находится...»

А во время традиционных встреч разведчиков в Петрозаводске в 70-80-е годы Волов говорил прямо: «Самолёты попали в огненный пирог: сильнейший огонь сверху и снизу. Думал, вся группа ляжет тут же на аэродроме...»

Парашют Дуси Тарасовой зацепился за ветки дерева, и она повисла над землёй. Достала нож, перерезала стропы и шлёпнулась оземь со всеми своими коробками. Слава богу, обошлось. Место попало ровное, и она ничего не ушибла и не сломала. И, как учили, быстро-быстро ушла от места приземления, от своего парашюта как можно дальше в лес...

Представьте себе положение: одна, ночной лес кругом, темень, где товарищи и куда идти – неизвестно. И тут же выяснилась новая неприятность, причём серьёзная. Как известно, радист выходит на связь строго в определённые часы и желательнее на максимально короткое время. Тем более, когда работает в тылу врага, где выход в эфир посторонней радиостанции будет непременно замечен и начнётся охота. Дусе перед выброской выдали часы. Это были тяжёлые мужские карманные часы без ремешка.

– Очень скользкие были, – вспоминает она. – Куда их положишь, если на шароварах карманов нет, а в фуфайке заняты. Только в карман гимнастёрки, а он ведь широкий, на пуговице, сами помните...

Часы выпали из кармана, когда она кувыркалась в небе под парашютом. И теперь нет часов, хоть плачь.

– Дополнительные сеансы связи у меня были назначены на 12 и 17 часов, – вспоминает Евдокия Васильевна. – Что делать? Определяюсь по солнцу, включаю рацию на радиоволну и жду, пока запикает 12. А у самой сердце щемит – рация работает лишнее время и зря, батареи разряжаются и разряжаются. Передаю в Центр: «Ребят не нашла, вышлите координаты, вышлите часы, вышлите часы...» Ответа нет. Через неделю замечаю, что от бесполезной работы батареи сильно разрядились. Передаю свои координаты и снова прошу: «Вышлите батареи, вышлите часы...»

Молчок...

Наконец из Центра ответили, мол, ждите самолёта, вышлем батареи. Первый раз самолёт увидела, но не успела порадоваться, как он пролетел мимо и ничего не сбросил. Снова из Центра радио: «Ждите...» Во второй раз самолёт кружит, зажгла костры, жду. Вижу, из самолёта выбросили тук, бегу, тук нашла, вытащила посылку и бегом в лес. Слава тебе, Господи! Открываю – батареи есть, а часов... нету! Снова радирую: «Почему часы не прислали?»

Она не знала, что и второй радист оказался не в лучшем положении.

«Лётчик выбросил неправильно, – радировал Морозов в Центр. – Два дня ишу своих. Продукты кончатся завтра. Дуси нет. Нахожусь на месте выброски. Прошу помощи. Николай».

31 июля снова передаёт в Центр: «Нужны батареи, кепка. Сообщите Дусе, пусть работает. Где ребята?»

2 августа: «Продукты получил, двигаюсь на север».

4 августа: «В назначенном месте никого нет. Что делать?»

Приказ Центра: «Соединяйтесь с Дусей на западном берегу речки Торжеполка, в квадрате 12-62, на просеке, у устья ручья. Ждите её прихода 5-6 августа».

6 августа новое радио от Николая: «Нахожусь в квадрате 12-62, устье ручья реки Торжеполка. Дуси нет...»

И ещё целую неделю Дуся прожила в лесу одна, передавая безответные радиogramмы в Центр, пока и старые и новые аккумуляторные батареи «Севера» не выдохлись совсем. В конце недели, едва-едва слышимые в наушниках, приняла координаты второго радиста Николая Морозова и приказ идти на соединение с ним:

«Иди к Николаю. Николай тебя ждёт».

Я спросил, чем питалась две недели одинокой лесной жизни. Она ответила честно: «Не помню. Наверное, ела что-нибудь...»

Здесь я хочу обратиться к документальному повествованию Олега Тихонова «Операция в зоне

«Вакуум». Вероятно, основываясь на рассказах разведчика, старосты Шелтозера Дмитрия Тучина, он приводит разговор, который состоялся на совещании у начальника штаба тайной полиции капитана Ориспя. Капитан докладывает, что в районе обнаружены следы заброски диверсионно-разведывательной группы русских, спрятанные парашюты и так далее.

«...Седьмого и восьмого августа радиопеленгаторами были обнаружены в районе Ладвы две радиостанции. Их разделяло расстояние в десять-двенадцать километров. Но с каждым выходом в эфир это расстояние резко сокращалось. Очевидно, радисты установили связь с центром, и тот ориентировал их на соединение друг с другом... Были вычерчены схемы их движения. Две линии сошлись конусом у реки... реки Торжеполка. Туда, на остриё, к месту вероятной встречи была немедленно направлена засада...»

– Я утопила в болоте рацию «Север», батареи и всё лишнее имущество и рано-рано утром и только с «Белкой» отправилась искать Николая.

Но теперь ждал её не только Николай...

– Несколько километров прошла, вижу – большое болото, и я пошла краем. С одной стороны болото, с другой широкая чистая поляна. Вдруг лай собак, финская речь... Солдаты идут цепью, с ними не одна, а две или три собаки. Что делать, что делать? Вижу, недалеко от края болота кустик. Выползла на болото к этому кусту, присела и замерла. Фуфайка у меня неприметная, защитного цвета, и так перебрехала. Финны прошли мимо. Где-то в 11 вечера вышла в назначенное место. Широкая просека, нахожено, и тут проливной дождь как ударил... Ну, что делать? Села в кусты и просидела до утра...

А утро хорошее. Вообще в тот год август какой-то странный выпал. Ночью всё время дожди, а днём ясная, хорошая погода. Разделась, стала сушиться, вышла на берег речки Торжеполки. В этом месте, где нам назначили встречу с Николаем, соединялись Торжеполка и Сара: Торжеполка прямо текла, а Сара уходила налево. Помылась, одежду подсушила и слышу голос: «Дуся!» Мужчина идёт, Николай. Хорошо помню, это было в четыре часа дня – у Николая часы.

У него неподалёку был шалаш. Мы пошли к шалашу, сели и до семи часов вечера рассказывали друг другу истории своих блужданий. Потом я разобрала наган, чтобы почистить после болота, разложила на тряпочке. Николай говорит: «В семь часов сеанс, свяжешься по моей рации, доложишь». Место хорошее. Он быстро наладил антенну, противовес. Рядом лежит ствол большого дерева, мо-

хом зарос. Рацию поставили на дерево, я на коленях рядом. Включаюсь. А работали так: выхожу на связь, они в Центре дают позывные, и тогда я переключаюсь на передачу. Всего я должна ждать пять минут. Жду. Вдруг Николай говорит: «Наклонись. Нас окружили. Финны идут...» Ещё бы пять минут, и я передала обо всём. Но не успела. Николай встал, и его сразу срезали очередью из автомата. Я видела, как он упал. Потом попали в меня. Боли не было, только будто камушки по рукам и спине, и я упала. Но сознание не потеряла. Слышу, финны подошли и кто-то сказал: «Мёртвая» и ушли. Потом они вернулись и говорят: «Живая!» И тут начали мне первую помощь оказывать...

Любопытный штрих, уж не знаю, к чему – юному возрасту бойцов с той и другой стороны, финскому характеру, а может, просто к войне, о которой мы теперь мало знаем. Дусю на носилках принесли из леса в ближайшую деревню Кашканы, в дом Родионовых, хозяевам поручили уход за раненой. В доме жил 11-летний сын Толя. И он вспоминал, как молодой солдат, который у Торжеполки послал из своего автомата пять пуль в Дусю, приходил к ней извиняться и даже конфеты приносил...

Между прочим, капитан финской контрразведки Ориспя назвал этого солдата «шалопаем», у которого «не выдержали нервы». Его доклад о результатах засады в деталях расходится с рассказом Евдокии Васильевны. Ориспя утверждает, что финны застали советских радистов в самый момент встречи, при которой они якобы обнимались.

«Одной очередью всё было испорчено, – сетовал он на совещании в Шелтозере. – Радист убит, радистка без сознания. Пять ран почти не оставляли надежды на допрос. Но она жива. Я видел её в Кашканах. Ей не больше семнадцати. При мне врач вытащил из неё три пули, а две оставил в спине, опасаясь, что она не выдержит операции. А я смотрел ей в глаза. Ни слезы, ни крика. Только расширились и сужались зрачки, словно жизнь подмигивала смерти. Кто этого не видел, тот не может считать себя психологом, господа. Я видел. Я знал, что она будет жить, но эта жизнь для нас бесполезна. Слова у неё, как пули в спине: у живой не вытащишь... Покойник оказался разговорчивей...»

Что имел в виду финский контрразведчик, говоря о «разговорчивом» покойнике?

Капитан Ориспя говорил о банальном проколе, недопустимом для разведчика.

В кармане погибшего радиста спецгруппы «Аврора» Николая Морозова финны обнаружили фото Дуся Тарасовой в гимнастёрке и пилотке, с пометкой «ОМСБОН НКВД СССР...» и дарственной надписью. Ещё были тут инициалы всех членов

группы. Лучшего подарка финнам от Морозова и главное – от куратора группы офицера НКВД А.Волова трудно было придумать...

В Кашканах, с прострелянными плечами и спиной, с перебитой ключицей, Дуся Тарасова изо всех сил старалась не потерять сознание. Остаться в сознании в её положении было единственным оружием. Она вела себя дерзко и все знакомства отрицала. «Я требовала, чтоб меня расстреляли. Но, к несчастью, этого не сделали», – писала она Я. В. Ругоеву.

Да, это верно: она просила, чтоб её пристрелили ещё в Кашканах, где каждый день к ней, тяжело раненной и постоянно находящейся на грани сознания, приходил следователь и где с ней не особенно церемонились. Её и перевязывать старались тогда, когда в дом Родионовых, превращённый в штаб местного отделения контрразведки, входил длинный и сутулый лейтенант. Санитар чулком стаскивал рубашку, а у неё сил не было прикрыться. И во время перевязок совал под спину кулак, чтоб вышло побольнее, мол, знай наших, и приговаривал, что завтра непременно насыплет в раны соли...

Следователь знал про неё почти всё: и про казнённого ни за что отца, и где работала, и про истребительный батальон, и про ОМСБОН. Даже привёл однажды бывшего сослуживца: «Здратье, Евдокия Васильевна... Не признаёшь?» Ответила: «Уйди, скотина, а не то встану, морду поцарапаю!» И фото членов группы показывали, и имена называли, и врали, что все они добровольно перешли к финнам и дают правильные показания, в том числе и на неё. Она стояла на своём: «Я ничего не знаю. Я должна была встретиться с парнем. Его убили. И ждать».

По вопросам поняла: ничего финны не знают. Группа действует. И вполне отдавала себе отчёт в том, что её непременно расстреляют. Убедила себя, что терять ей собственно нечего.

Когда Дуся немного поправилась и пришла в себя, из Кашкан её перевезли в Пряжу, в больницу, поставили к двери часового. И сюда каждый день наведывался следователь, чтобы угрозами и сладеньким голосом выведать состав группы, цели заброски и контакты. Но и здесь они ничего не узнали, кроме того, что знали от неё раньше: «Встретиться с парнем и ждать».

...Радистку Дусю Тарасову судили девятого декабря 1943 года. Финский суд располагался в Петрозаводске, в пору оккупации переименованном в Яанислинна, в месте, где долго стоял валун, символизирующий будущий памятник пар-

тизанам и подпольщикам, а теперь установлен монумент Карельскому фронту.

На суде присутствовало много офицеров, они выступали в роли свидетелей. Задавали вопросы, пытались укорять: «Отец враг народа, а вы...» «Отец вас не так воспитал...» «Если мы вас отпустим, что делать будете?» Дуся и здесь вела себя дерзко: «Отец меня правильно воспитал». «Отпустите, я опять пойду».

– Я знала, что меня расстреляют – чего мне терпеть. Была совершенно уверена, что впереди расстрел, поэтому и говорила прямо. Не знаю, откуда во мне такая смелость...

Суд ушёл выносить приговор, а Дусю с переводчиком вывели в коридор.

– Переводчик мне говорит: «Зря вы так повели себя, так отвечали. Они могут расстрел дать. У нас в Финляндии, если 19 лет не исполнилось, расстрела не дадут, дадут пожизненное».

Прошло какое-то время, заводят в зал и читают приговор: «Пожизненная каторга». До четырнадцатого или шестнадцатого марта 1944 года Дусю Тарасову содержали в Петрозаводской тюрьме. Это здание и поныне стоит на улице Дзержинского. Любопытно, как подчас история смеётся над судьбами людей! В бывшей финской тюрьме бывшие подпольщики и разведчики, пока были живы, собирались на ежегодные традиционные встречи и весело праздновали свою победу.

ДРУЗЬЯ И ПРЕДАТЕЛИ

«Спрашиваю Улю: «Помиловили?»

«Нет, – говорит. – Завтра нас расстреляют. И смеётся».

В тюрьме Дусе выдали мужские кирзовые сапоги на три размера больше, да ещё с металлическими подковками. Поэтому тюремное население стало сразу же узнавать её по походке. Определили на жительство в первую камеру от входа, в самом начале коридора. А в обстановку ввела Шура Семёнова.

Шура сидела здесь уже полгода, занималась уборкой – ходила подметать камеры и выполняла прочие работы подобного толка и, разумеется, всё и обо всех знала. Она видела, как привезли Дусю, пошла, через «волчок» в двери познакомилась и кое-что рассказала о порядках и арестантах. В следующий свой визит Шура сказала:

– Знаешь, рядом с нашей камерой сидит один, он тебя знает, знакомый, в тёмно-синем костюме. Он просил, чтоб ты его не признавала.

Дуся сразу поняла, что сидит свой. В тёмно-синие костюмы одевали мужчин подпольных разведгрупп.

– Передай ему, что я никого не признаю, – ответила Дуся. – Пусть он будет спокоен.

Узником в тёмно-синем костюме оказался Костя Николаев. С ним Дусю сведёт судьба будущим летом.

Когда Шуру Семёнову увозили из тюрьмы в лагерь в Киндасово, она посоветовала связаться с охранником Паволайненом, мол, ему вполне можно доверять. Паволайнен и на самом деле оказался замечательным человеком. В тюрьме служил и другой охранник, моложе Паволайнена, и тоже замечательный, добрый человек. Он всегда открывал двери камер одновременно, и заключённые могли видеть друг друга и даже на коротке общаться. Так Дуся увиделась и с Николаевым. Он уже знал, кто она такая и откуда.

Был в тюрьме и разносчик еды – баланды, которого звали «баландёром». Молодой, но очень полный нездоровой полнотой парень с большим сочувствием относился к заключённым и помогал всем, чем мог в его положении.

– Были такие финны, – вспоминала Евдокия Васильевна. – Были. Всегда говорю и пишу о них с добром. Не все они были плохие.

Скоро Дусе пришлось познакомиться с ребятами из группы Ефимова...

Под новый 1944 год, в ночь на 31 декабря, загремели ключи и послышался шум. В тюрьму доставили новеньких. Днём Паволайнен сдавал смену, и Дуся спросила, кого привезли?

– Привезли четырёх партизан: одна девушка и трое мужчин, – сказал Паволайнен. И рассказал, что они осуждены на расстрел. Но после вынесения приговора, по закону, Верховный суд будет ещё два месяца проверять документы. И эти два месяца они будут находиться здесь в тюрьме.

Это была олонецкая подпольная разведгруппа Якова Васильевича Ефимова. В неё входили Борис Юплов, Кузьмин и Ульяна Кузьмина, радистка, родом из Калевальского района. Группа Ефимова действовала в районе Олонца и выполнила боевое задание полностью. По плану, разведчиков должны были вывезти на свою территорию гидросамолётом. Но в последний момент передали по радио, что вывезти не могут и «попадайте своим ходом». Это из-под Олонца до Сегежи или Беломорска! Сотни километров озёр, рек, ручьёв, через болота и хляби!

Они почти дошли до своих, но... Перед линией боевого охранения, на самых последних километрах, во время последнего привала, на группу случайно набрели финские охотники-заготовители. На них, измождённых долгим переходом, сонных и голодных, напали, завязался неравный и короткий бой.

Разведчики отстреливались, Ефимов и Кузьмин получили ранения в ноги. Но что они могли?

– Ульяна всё сокрушалась: вот, мол, досада – хотя бы военным, солдатам, а то охотникам попались, – вспоминала Евдокия Васильевна. – Она была весёлая девушка, радостная, всегда шутливая, никогда не грустила. Никто не мог догадаться, что она осуждена к расстрелу. Всё время улыбается – даже не подумаешь...

Разведчиков судили в Медвежьегорске. Теперь им оставалось ждать утверждения приговора в Хельсинки, сидя в одиночных камерах Петрозаводской тюрьмы.

Очень скоро Шура Семёнова убедила охранников, что не справляется с уборкой одна, и взяла в помощницы Дусю. Теперь они вдвоём в пределах тюрьмы обрели относительную свободу, общались с заключёнными и многое знали. В том числе и о предателях. А они были...

– Однажды нас с Таней Пешеходовой перевели из двухместной в четырёхместную камеру. Окно выходило на тюремный двор, куда заключённых выводили на прогулки. Во дворе стояла большая квадратная печь с котлом. В кирпичной кладке мы нашли небольшую дырку и несколько раз пользовались ею как почтовым ящиком, оставляли записки. И вот вижу Якова Васильевича Ефимова, а с ним Шувалов, и что-то так задушевно обсуждают. Я обомлела! Неужели Яков Васильевич не знает, что Шувалов предатель? Как предупредить? Я ходила по камерам, подметала, но с Ефимовым поговорить не удаётся. Попросила помочь охранника. Охранник подтвердил, что Шувалов предатель, и говорит: «Пиши записку, передам». И передал. И потом Паволайнен не раз передавал ему мои записочки.

А с группой Шувалова случилось вот что. Их было несколько человек, в том числе две девушки. Знаю, что одну звали Зоя Горбачёва, другую Лида, был ещё вепс Зайцев. Зоя неудачно приземлилась, – так же, как и я, повисла на дереве, обрезала стропы, но при падении подвернула ногу и теперь сидела на базе. После выброски Зайцев ушёл в деревню к родственникам, связался там с финнами и привёл к базе. Здесь назвал пароль, и финны без боя захватили всю группу. Из тюрьмы Шувалов с Лидой каждый день, как на работу, на пару ходили в полицию.

Похожая история, где рядом оказались и предательство, и самопожертвование во имя освобождения Родины, и героизм, произошла и с олонецкой группой М. М. Деляева. История такова. Сотрудницу довоенной редакции районной газеты из

Олонца, комсомолку и умницу Настю Звездину направили в Москву на специальные курсы для подготовки к работе в тылу оккупационных финских войск. Весной 1942 года она вместе с товарищами (П.А.Андроновым, И.Е.Карповым и др.) вернулась в Карелию. В августе 1942 года группу из трёх разведчиков: секретаря подпольного райкома партии М.М.Деляева, секретаря подпольного райкома комсомола А.М.Звездиной и радистки О.В.Филипповой забросили в Олонецкий район.

Для каждого из троих подпольщиков-разведчиков Олонецкий район был родным. Это обстоятельство стало громадным подспорьем в работе. Но оно же их и погубило...

Мне кажется, что бездумное перенесение в Карелию белорусского, украинского и иного опыта борьбы на оккупированных территориях стало одной из серьезных ошибок тогдашнего политического и военного руководства республики. Там были обширные лесные угодья и плотно населённые местности, находящиеся под контролем партизан, где вольно было действовать подпольным райкомам и горкомам. Здесь безлюдные пространства, с редкими деревушками и хуторами в прифронтовой полосе, откуда власти с началом войны выселили жителей. А на оккупированных территориях оставались прикормленные жители «родственных» захватчикам национальностей. Эти ошибки десяткам карельских ребят стоили жизни.

Группа М. М. Деляева отлично работала в районе до октября 1942 года. Пока их не выдали свои. Сохранилось письмо подруге, написанное Настей Звездиной из камеры олонецкой тюрьмы:

«25 ноября 1942 г.

Да, Таня, родная, завтрашний день мне что-то готовит. Сегодня вечером узнала, что завтра суд... Стою сейчас на краю бездонной пропасти, она уже готова заключить меня в свои объятия. Стою. Стою не просто, а с высоко поднятой головой. Смерть, смерть, смерть – словно эхо вторит мысленно произносимое слово. Ну что ж, смерть так смерть. Смотрю я на смерть открытыми глазами. Внутренний голос твердит: больше твёрдости и спокойствия. Да! Я тверда сейчас, тверда как камень, и ни малейшего беспокойства только потому, что знаю, за что отдаю самое дорогое – жизнь свою: отдаю за свой народ, за его счастье».

Насте было 23 года. Её товарищей из подпольной группы финны расстреляли 17 февраля 1943 года...

После Шуры Семёновой уборкой заниматься мы стали с Зоей Горбачёвой. Она из группы Шувалова, по характеру очень боевая, даже до безалаберности. Однажды приходит радостная, хвас-

тается: «Меня возили к фотографу, на карточку снимали». Я говорю: «Чему радуешься? Разве знаешь, куда теперь твоя карточка попадёт?» Зашли как-то с уборкой в камеру Шувалова, там нашли карту, чертежи, на ней нарисованы военные объекты какие-то. Зоя предлагает: «Давай порвём!» Я отвечаю: «А что толку? Он новую начертит, а мы с тобой под расстрел пойдём».

С тех пор во время уборки или когда увидимся я Шувалову обязательно какое-нибудь колкое слово скажу – «предатель!» или ещё что-нибудь такое. Он мне записку написал, мол, не предатель, а «работает на своих», «когда освободитесь – увидите, я докажу...»

Вот все эти два месяца мы с Ульяной встречались иногда то в бане, то ещё где. В последний раз моемся в бане, – это второго марта, теперь мой день рождения. Пришла охранница:

– Ульяна, тебя в канцелярию зовут. Одевайся быстрее. Тебя там ждут.

Уля быстро оделась и ушла, а я домылась и бреду к себе по коридору. Сапоги громыхают, подковки цокают. Меня по этим сапогам все узнавали. Уля в своей одиночке. Услышала, что я иду, стучит в дверь. Я открыла «глазок», спрашиваю: ну что? Она смеётся и говорит, что ответ пришёл. Смеётся, понимаете! Спрашиваю:

– Помиловали?

– Нет, – говорит. – Завтра нас расстреляют.

И снова смеётся.

– Да ты что, – говорю. – Я не верю!

– Да, завтра нас не будет...

А на дворе март, тепло, весной пахнет. Мы с Таней Пешеходовой открыли окно и всю ночь проговорили втроём. Таня рассказывала, что до войны окончила педагогический техникум и работала учительницей, что родителей нет и она сирота. Она была радисткой в группе. Таня тоже оказалась предательницей, нас предала. Но позже, в Киндасово. Всю ночь не спали. Утром уже слов никаких нету. Молчим. Ульяна говорит:

– Ну вот, утро уже. Наверное, скоро за мной придут.

И через несколько минут слышим – идут. Подходят к дверям, бренчат ключами, открывают. Ульяна громко говорит:

– Ну, девочки, за мной пришли. До свидания!

Понимаете?! Не прощайте, а до свидания.

Всех увезли на одной машине...

Баландёр рассказывал потом:

– Я видел, как их посадили в машину, завязали у всех глаза, а Ульяна сдёрнула повязку и сказала: «Хочу с открытыми глазами смерть принять».

Накануне расстрела Уля оставила нам часы и свой чёрный костюм: «Поделитесь с Татьяной потом, кому что подойдёт». Я взяла костюм, а Таня часы. После расстрела баландёр принёс и тихонько передал блокнотик Якова Васильевича: «Вот оставил тебе. Просил передать». В блокнотике шифры их группы, записи. Юплов оставил письмо. Я сшила карман под резинкой шаровар и убрала туда блокнот с шифрами, письмо Юплова и письмо ко мне Шувалова с оправданиями.

Как приговорённой пожизненно, мне разрешалось написать одно письмо. Мне писать некому. Накануне я через охранника предложила Якову Васильевичу написать его жене. Жена Ефимова, Мария Фёдоровна, работала в Олонце в чайной, и он во время подпольной работы с ней встречался. Он своей рукой написал письмо, я вложила в конверт, отправила и позже получила от неё ответ.

Евдокия Васильевна надолго замолкает. Она очень устала. Мы идём на кухню, ставим чай и долго молча пьём. На улице осень, летят жёлтые листья, кружатся, засыпают кровлю соседнего магазина. Я предлагаю закончить на сегодня, мол, созвонимся и приду позже. Но Евдокия Васильевна не согласна: «Я ещё не всё рассказала о ребятах из группы Ефимова. Надо закончить. Забуду». Мы возвращаемся в комнату, где на низеньком журнальном столике у дивана мой диктофон поставлен на паузу. Она продолжает рассказ о том трагическом дне 3 марта 1944 года:

– А потом в тюрьму привезли их бельё. В эту прачечную, где мы стирали. Бросили на пол и нас с Таней заставили это бельё стирать. Да, у Ульяны тряпки на глазах не было. У всех других были, а у неё нет. У Якова Васильевича все мозги в шапке... Мы всё выстирали.

Потом бельё высохло, и мы с охраной понесли в кладовую. Пришли. Помещение размером с нашу камеру и широкие полки с одной и другой стороны. Только узкий проход между ними. И все полки набиты вещами расстрелянных. Битком! Это сколько же они людей расстреляли!!!

В марте 1944 года Петрозаводскую тюрьму разгрузили. Оставили только девять девушек и двоих-троих мужчин. Среди девушек оказались Дуся Тарасова, Шура Егорова, Таня Пешеходова, Оля Похвалина... Из ребят Дуся знала только Костю Николаева. Всех их 13 или 14 марта перевезли в Киндасово. Остальных заключённых угнали в Финляндию.

«ПРОСТИ МЕНЯ...»

«Я ей говорю, что ты с этим письмом теперь? Ты предала его».

Таких тюрем, как в Петрозаводске, меньше чем за год финские оккупанты понастроили с достатком. Тюрьмы для граждан Советской Карелии не пустовали в Ведлозере, Великой Губе, Вокнаволоке, Кестеньге, Медвежьегорске, Олонце, Паданах, Суванто (это неподалёку от Кушеваны, в нынешнем Калевальском районе), Ухте (Калевале), Шелтозере, Космозере. В Лососинном развернули штрафной лагерь, а подростков, которых финны сочли «трудными» и «нарушителями», определяли в специальные колонии на Бараньем Берегу, близ деревни Лососинное и в Шуе.

В Киндасово тюрьма считалась центральной, главной.

Это о тюрьмах. Лагерь понастроили многие десятки. Они подразделялись на лагеря для военнопленных, трудовые (причём по специализации – лесозаготовки, дорожные работы, обжиг угля и т.п.), концентрационные лагеря «переселенческие», для «неблагонадёжного ненационального населения», для «граждан западных национальностей», для «неблагонадёжных представителей родственных финнам народов». В деревне Лужма, что неподалёку от Ребол, даже устроили отдельный лагерь для украинцев. Видимо, хозяйственные и пунктуальные финны не смогли подвести украинцев ни под одну из придуманных категорий.

При этом следует помнить, что финским войскам удалось оккупировать примерно половину территории карельской республики. А если бы они захватили её всю?

В Киндасово, кроме тюрьмы, активно действовал концентрационный лагерь для неблагонадёжного ненационального населения. Кого финны считали безнадежными в смысле перевоспитания на новых, разумеется, европейски цивилизованных основах, с теми не церемонились. От Киндасово до Пряжи десять километров пути. Ровно на половине, через пять километров, если считать с любой стороны – от центра или села, таких просто расстреливали.

...Когда обо всём этом задумываешься, ничего, кроме досады, не вызывает идея весёлых массовиков-затейников превратить Киндасово в «столицу смеха». Понимаю, у каждого народа есть свои мифические чудачки-простаки, над которыми потешаются веками и через которых передаются оптимизм народа и его мудрость. В Карелии это киндасовцы. Но пусть бы массовики оставили их в сказочной мифологии, а не привязывали к конкретной

деревне. Во-первых, слыть деревенскими дурачками современным киндасовцам должно быть обидно, во-вторых, место это, после того как здесь похозяйничали финские оккупанты, никакого юмора у вменяемого человека вызывать не может. Идея превратить современное Киндасово в «столицу юмора» с флагом в виде семейных трусов в горошек воспринимается либо как историческая дремучесть, либо как обыкновенный цинизм.

Но вернёмся к рассказам Евдокии Васильевны Аникиевой (Тарасовой).

– Тюрьма в Киндасово была большая. Помню, за мостом, на том берегу реки два барака – женский наверху, а мужской под горой, ниже. В камере нас было десять человек, нары в два этажа. Со мной рядом на соседних нарах оказалась Шура Семёнова. Она из нашего отряда. Когда меня отправили учиться в Москву, Шура уже была в отряде, её не посылали, она не радистка, разведчица.

Сидели в тюрьме не только разведчики и подпольщики, но и гражданские, арестованные за связь с партизанами. Была такая формулировка, под которую можно было подвести почти любого местного жителя. Между прочим, вскоре после нашего приезда прошёл слух, что нас расстреляют, а гражданских, которые за связь с партизанами, отпустят по домам. Не знаю, зачем это было сделано. Нам слух только помог. Мы начали готовить побег...

Дусю со всеми остальными заключёнными определили работать на лесобирже. Они должны были освободить от коры брёвна, приплавленные по реке сплавом, выкаченные на берег и уже разделанные на двухметровые балансы. Один штабель уже стоял на берегу, формировали другой, рядом. Дусю, как самую лёгкую, поставили на самый верх штабеля. Её задача – принимать и укладывать брёвна. И нужно было такому случиться! В первые же дни толкнули бревном (снизу-то не видно!), она пошатнулась, неловко оперлась, и в этот момент новое бревно защемило палец, словно капканом...

Палец оказался просто передавлен: последняя фаланга, самый кончик висел только на коже. На укладке оказался вольный гражданский со странной для этих мест княжеской фамилией Болконский. Он сделал перевязку и отправил Дусю в тюремную больницу.

В Киндасово тюремный лазарет-больничка располагался в большом деревянном доме и состоял из двух отделений: с одной стороны отделение мужское, с другой – женское. Здесь всё как в бараке – нары в два яруса, столик и тумбочка для фельдшера. Женское отделение Дуся нашла абсолютно пустым.

– Фельдшер говорит, кончик пальца нужно совсем

отрезать. Я прошу, мол, может, можно сделать что-то, чтоб не отрезать? Решили пока просто перевязать. Разговорились. Оказалось, он карел, хотя и в финской форме, родом из Пароярви. Я говорю: «Так я сама из Пароярви! Район у нас финнами не занят, деревня Пароярви есть». Он обрадовался: «Земляки!» И сразу другое отношение стало. Оказалось, во время «кессель войны», в 18-м или 19-м годах, его родители ушли в Финляндию и его с собой увели. С тех пор он стал ко мне приходить и всегда приносил чего-нибудь. И я стала передвигаться по территории свободно. Однажды заглянула к нему в тумбочку, а там карты, причём большие, подробные. Ну, и взяла две карты, украла, можно сказать. В моих сапогах что угодно можно было унести...

В мужской половине тюрьмы в Киндасово финны организовали религиозный кружок. В свободное от работы время приглашали заключённых на беседы, которые вели священники. Дуся и Костя Николаев проявили к деятельности кружка большой интерес. Они стали постоянными участниками разговоров о духовном и высоком. Здесь им никто не мешал договариваться... о побеге. И карты оказались большим подспорьем. Вдвоём они намечали предстоящий маршрут к своим, уточняли детали, намечали время, при котором их отсутствие в бараках могло быть замечено как можно позже.

Бежать решили в пятницу. Дело в том, что по установленному распорядку в пятницу мужчин отправляли из тюрьмы на работы, а в это время женщины проводили уборку. И Костя стал по пятницам оставаться в тюрьме – то большим скажется, то наврёт что-нибудь охране. И его куда-то отправляли, использовали здесь, по хозяйству, на месте. И как иногда бывает, когда все детали были продуманы и побег по существу организован, они допустили трагические ошибки...

– Потом я рассказала о побеге Оле Похвалиной, позвала её с нами. Оля из нашего отряда, радистка. Командиром её группы был брат известного впоследствии чекиста-пограничника Тойво Вякя. Он и сдал её финнам, о чём сам признался брату Тойво. Но Оля за минуты до плена сумела дать знак в Центр, что работает под диктовку. Олю после войны отправили в лагерь – уж не знаю, что ей вменили...

Дальше – больше...

Оля рассказала о готовящемся побеге соседке по нарам Тане Пешеходовой.

– Таню я тоже хорошо знала, училась с ней в Москве в ОМСБОН, радистка, как и я. В составе их группы, заброшенной в Олонецкий район, были также Унто Кемпайнен и Николай Кошкин. После приземления выяснилось, что у них нет

связи. Таня не могла связаться с Центром. Ребята послали её в деревню. Таня пошла, зашла в первый же дом, там старик со старухой, хорошо приняли, накормили и спать на печь уложили. А утром сходили за финскими солдатами. И она... привела финнов на свою базу, к ребятам.

Финны приговорили Таню и Николая Кошкина к пожизненной каторге, а Унто Кемпайнена к расстрелу. Меня из Петрозаводска увезли, и я не знала, какой ответ придёт из Верховного суда. Мне рассказали потом, что через два месяца пришёл ответ: Кемпайнену расстрел, Кошкину пожизненную каторгу не утвердили, а дали расстрел тоже, а Таню перевели к нам в Киндасово. Таня даже написала Николаю письмо: «Прости меня...» Я ей говорю: «Что ты с этим письмом теперь? Ты предала его!» Я всегда и всем говорила о предателях. Никогда не скрывала. И она призналась, – а куда денешься? Таня после войны устроилась на работу, а через несколько дней её забрали в НКВД и дали 20 лет лагеря. Как и Оле.

Предавший один раз предаст снова. Старая истина, оплаченная большой кровью.

– Вслед за первой мы сделали и вторую ошибку, – устало вспоминает Евдокия Васильевна. – Таню нужно было отправить в побег первой...

И вот мы троём, Костя, Оля и я, перебежали через открытое пространство к лесу. Ждём Таню. Потом видим, а там вместо неё финны с собаками! Что делать? Я кричу: «Бегите! Я в таких сапогах бежать не смогу!» Оля говорит: «Я тебя не оставлю. Будем вместе...» Говорю Косте: «Беги ты. Попадёшь к своим, хоть расскажешь там...» Костя побежал. Мы очень надеялись, что он убежит...

Если бы не Таня, мы все обязательно бы убежали. Да они и искать бы не пошли. Время уже было не то.

Нас с Олей схватили. Один охранник направил автомат, хотел застрелить, но второй не дал: «Не смей без приказа начальника!» Тогда он выломал толстую палку, очистил от коры и стал бить по чему попало. Думала, убьёт. Руки и плечи потом чёрными были.

Константину Николаеву удача улыбнулась: до своих он добрался. Но... Судя по всему, свои ему не поверили. Да и как поверишь – пришёл от финнов с новенькой картой на финском языке. Где взял? Из тюрьмы с картой прибежал?! Как докажешь? Может, ещё чего насторожило бдительную контрразведку. Но факт остаётся фактом. В освобождённом Петрозаводске Николаев уже работал первым секретарём Первомайского райкома комсомола, когда за ним пришли из НКВД. И ему вышел суд и надолго в лагерь...

Уже через несколько дней в барак пришли солдаты и приказали Дусе и Оле: «Собирайтесь!» Они решили, что это конец. Везут расстреливать. Девушки

попросились и решили держаться до конца и не поддавать виду, чего бы это ни стоило. Их посадили в кузов, с ними солдаты охраны, и машина тронулась.

Они знали, конечно, что расстреливают на полдороге к Пряже, на пятом километре. Трудно представить, что было у них на душе в эти минуты, когда машина тряслась по дороге, отсчитывая километры. Но... Проехали пятый километр, проехали Пряжу, и вот уже Петрозаводск впереди...

Девушек привезли к воротам лагеря №2, что на самой южной оконечности Петрозаводска, велели сойти из машины и... оставили.

– Мы обязаны были вас расстрелять, – сказал старший охраны. – Но дарим жизнь. Не думайте, что все финны такие...

– А в лагере нас знакомые ребята встречают – настоящий митинг устроили. Все были уверены, что нас уже нет в живых. Рассказывали, что, когда нас увезли, девушки в Киндасово записали на стене барака наши имена как расстрелянных.

После освобождения Петрозаводска мы жили то тут, то там, потом случайно встретили на улице знакомых офицеров из НКВД, мне дали комнату в коммунальной квартире на улице Гоголя, и я целый месяц ходила в НКВД как на работу, отчитываться. Писала, писала, писала... Но никогда и ничего из написанного не видела. Запечатано, наверное, где-нибудь.

Спрашиваю Евдокию Васильевну о послевоенных встречах с товарищами по заключению: были они и какие?

– С Ольгой встречались уже после её освобождения из нашего лагеря. Поговорили, ничего. Она сама соломенная была, её отправили под видом местной жительницы, кем она и была, но тут же, в Соломенном, в плен попала. Может, свои и сдали, не знаю. Таня после лагеря больше не показывалась. И с Костей встречались. Сразу после освобождения он ко мне в коммуналку чуть не каждый день приходил, дрова приносил. А после освобождения из лагеря жил на Первомайском шоссе, в двухэтажном доме возле старого рынка. У нас в первое воскресенье июня всегда организовывались встречи ветеранов. А Волов работал тогда на «Авангарде» и повёз всех на базу отдыха на Кончезеро. Тогда с нами был наш командир Семён Гайдин. И мы, несколько человек, решили зайти к Николаеву. Зашли, встретились. Никаких эмоций...

Подумаешь теперь, столько пережито! И судьба у всех после войны сложилась – не дай бог! Удивляюсь, как я ещё цела осталась.

После войны жизнь Дуси Тарасовой потекла в работе и семейных заботах – так же, как и у тысяч

женщин Карелии той поры. Она жила в Лехте, что в пятидесяти километрах от Беломорска, в небольшом деревенском доме, вышла замуж за Константина Аникиева. Я о нём знаю мало, только то, что он окончил спецшколу, был в дружеских отношениях с И.В. Власовым, заведующим орготделом ЦК Компартии КФСР, и что был опытный и удачливый охотник-заготовитель, работал шофёром.

Лехта в послевоенную пору была районным центром, здесь районная власть, большая школа и всё, что полагалось райцентру. И своя районная газета выходила. Евдокия Васильевна работала и в чайной, и культработником в доме инвалидов, и в местном совете. В чайной, правда, долго не задержалась. Здесь нужно было проходить медицинский осмотр. И врачи чуть было не отправили её в туберкулёзную больницу. «Да у вас в лёгких очаги! – говорили они, округляя глаза. – Даже два очага! Вам нужно немедленно в больницу!» «Да нет, – успокаивала врачей Евдокия Васильевна и виновато улыбалась. – Это так, с войны осталось». Рассказывать про две финских пули было долго и ни к чему. Но из чайной от греха ушла. До выхода на пенсию в конце 70-х она занимала должности секретаря сельского совета и председателя.

В годы войны в Лехте стояли партизанские отряды, штаб и подразделения 32-й отдельной горнострелковой лыжной бригады. Эта бригада с юга и юго-запада прикрывала подходы к военной столице республики городу Беломорску. Ветераны каждый год со всей страны съезжались в село на встречи. Евдокия Васильевна многих из них знала лично и активно помогала в организации и проведении ветеранских встреч. Сомневаюсь только, знали ли они,

кто на самом деле эта спокойная и ровная характером женщина из сельсовета с тихой улыбкой.

К 1980 году Евдокия Васильевна по существу осталась одна. Не стало мужа, а сын Станислав переехал в Петрозаводск, где также жил наездами, заезжая на несколько дней между соревнованиями и очередными тренировочными сборами. В деревенском доме ей стало одной немого. Дрова, вода с озера, тонны снега зимой, огороды... Она написала в Москву Андропову. Юрий Владимирович хорошо знал Дусю Тарасову, встречался с ней и до, и после войны. Хорошо был осведомлён и о её военной судьбе. В ту пору он был председателем КГБ СССР. Безо всяких проволочек Андропов распорядился выделить Евдокии Васильевне квартиру в Петрозаводске, в которой она дожила до 93 лет, увенчанная почётом и многими наградами.

Евдокия Васильевна Аникиева умерла 12 августа 2017 года.

Размышляя о судьбе этой женщины, всякий раз думаешь, как часто поверхностны наши представления о войне и победе. Война ведь это не только пушки, не столько оружие. В первую очередь, это сила духа бойца. Грош цена любому оружию, если силы духа нет. Войны на планете идут нескончаемо, и нетрудно убедиться в справедливости известного суждения. Вот почему судьба Евдокии Васильевны так притягательна сегодня. Она ведь так и не выстрелила из своего нагана, разобранного для чистки на берегу Торжеполки. Но разве можно сомневаться, что победила?

2018, апрель

Константин Васильевич ГНЕТНЕВ (род. в 1947 году)

– публицист, писатель,

окончил факультет журналистики ЛГУ

и более 30 лет работал в периодических изданиях

Карелии сотрудником и главным редактором.

Лауреат международной литературной премии

Союза писателей России «Полярная звезда»,

победитель Всероссийского литературного конкурса

«Бородино» губернатора Московской области,

лауреат премии Республики Карелия

в области литературы (2008 и 2014 гг.),

премии журнала «Север» и специальной премии Союза

журналистов Карелии «За мастерство и достоинство»;

заслуженный работник культуры Российской Федерации.

